

Сергей Патрушев

**Слабо
прочитать**

Сергей Патрушев
Слабо прочитать

«Автор»

2026

Патрушев С.

Слабо прочитать / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса находит на дальней полке странную книгу с вызывающим названием «Слабо прочитать?». С этого момента её жизнь перестаёт быть прежней. Книга оказывается не просто сборником страшных историй — она отражает реальность самой Алисы, описывает её мысли, поступки и даже будущее с пугающей точностью. Перелистывая страницы, девочка погружается в мир собственных страхов. Алиса узнаёт, что она не одинока в своей способности видеть страхи. Древний дар передаётся в её роду по женской линии из поколения в поколение. Перед ней встаёт выбор: отказаться от дара, как когда-то сделала её мать, или принять его и стать настоящей хранительницей — той, кто может не только видеть страхи, но и помогать людям с ними справляться. Вместе с новой подругой Катей, в которой тоже просыпается дар, Алисе предстоит столкнуться с древними тёмными сущностями, спасти детей от Хранителя Тьмы и учиться главному: страх — это не враг, а лишь тень, которая становится видимой, когда есть свет.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Слабо прочитать

Солнце уже село, и в комнате Алисы стало почти совсем темно. Она не стала включать свет, только поплотнее задернула тяжелые шторы, отгораживаясь от тусклого фонаря во дворе. На столе, в круге света от настольной лампы, лежала книга. Обычная такая книга, в потрепанной обложке, с пожелтевшими страницами. Алиса нашла ее днем на дальней полке в шкафу, куда годами никто не заглядывал. Книга называлась «Слабо прочитать?».

Она провела пальцем по выпуклым буквам названия, словно проверяя, не привиделось ли ей. Странное название. Странное ощущение. Алисе было почти тринадцать, и она считала себя человеком взрослым и недоверчивым, но сейчас в комнате витало что-то неуловимое, какое-то особенное, сгустившееся вместе с темнотой ожидание. Шелест страниц, когда она открыла книгу, показался ей слишком громким в тишине.

История начиналась обычно. Главную героиню звали Алиса, и она жила в самом обычном городе. Поначалу Алиса даже усмехнулась – дешевый прием, чтобы читатель почувствовал себя на месте персонажа. Но чем дальше она читала, тем больше деталей совпадало. У героини были такие же длинные, вечно путающиеся волосы, она так же грызла колпачок ручки, когда думала, и у нее тоже был рыжий кот по имени Тимка, который сейчас мирно посапывал у Алисы в ногах.

Алиса поежилась. На плечи словно упал невидимый холодный платок. Она прочитала о том, как героиня нашла на дальней полке странную книгу. Как она сидела в темноте при свете лампы. Как гладила кота. Все это было до жути знакомо. Описывалась каждая мелочь: вязаная салфетка под лампой, трещинка на стекле, царапина на обложке книги, которую Алиса оставила вчера, нечаянно зацепив ножницами. Эта царапина была здесь, на книге в ее руках. Алиса судорожно провела пальцем по корешку – вот она, тонкая белая полоска на синем картоне. Все совпадало идеально, до дрожи в пальцах.

Дальше в книге говорилось о том, что героиня, которую тоже звали Алиса, боялась засыпать в полной темноте. Это было правдой. О том, что в шкафу в прихожей стояла старинная фарфоровая кукла с блестящими глазами, которую Алиса всегда переворачивала лицом к стене. О том, что в прошлом году она видела странный сон, где летала над спящим городом и считала огни в окнах. Все это, все до единого слова, было ее жизнью, выплеснутой на бумагу чужими чернилами.

Страницы казались теплыми под пальцами. Алиса слышала, как гулко и часто бьется сердце, отдаваясь в висках. Она читала дальше, не в силах остановиться. Вот описание сегодняшнего вечера, вот момент, когда она села в кресло. Строки кончались, и Алиса, затаив дыхание, перевернула страницу. Там было пусто. Только в самом верху нового листа стояло продолжение: «Алиса перевернула страницу. В груди у нее колотилось сердце, и она вдруг отчетливо поняла, что сейчас произойдет то, чего она боится больше всего». Дальше снова была пустота, словно автор ждал, что будет дальше.

Алиса замерла. Она сидела не шевелясь, боясь сделать лишнее движение. Тишина в комнате стала звонкой, наполненной шепотом собственных мыслей. Она поняла это так ясно, как будто кто-то прошептал ей это на ухо: книга дописывает себя сама. Прямо сейчас. По мере

того, как она живет. Она судорожно сглотнула, провела кончиком языка по пересохшим губам и снова уставилась на пустую страницу. И в тот же миг, медленно, словно нехотя, проявилась первая буква. Она была бледной, едва заметной, но с каждой секундой становилась все темнее и четче. Буква «И».

И потом было ещё слово. И ещё одно. Буквы проявлялись на бумаге с тихим, едва уловимым шорохом, словно кто-то невидимый водил по странице самым острым карандашом. Алиса смотрела на это, не в силах ни закричать, ни позвать на помощь, ни даже просто зажмуриться. Её руки, всё ещё лежащие на книге, казались чужими и тяжелыми, налитыми свинцом. Текст разрастался, складываясь в предложения, и каждое новое слово леденило кровь.

«И тогда она почувствовала, как чей-то взгляд уперся ей в затылок. Этот взгляд был тяжелым, холодным, он ощущался почти физически – как прикосновение мокрой льняной простыни к голой спине. Алиса знала, что за ее спиной никого нет. Она только что проверила. Но взгляд был. Он шел из дальнего угла комнаты, из-за кресла, где всегда лежал ворох ее одежды, из самой темноты, которую она так боялась с детства».

Алиса дернулась, резко обернулась. Комната была пуста. Конечно, пуста. В углу темнело кресло, на его спинке висела брошенная джинсовая куртка, и в сгустившихся сумерках она действительно походила на чью-то сгорбленную фигуру. Алиса выдохнула, но облегчение не пришло. Взгляд никуда не делся. Он остался. Она чувствовала его кожей, каждой мелкой волосянкой на руках, которые мгновенно покрылись мурашками.

Она снова уставилась в книгу. Там уже было написано про то, как она только что обернулась, и про то, как она сейчас смотрит на страницу. Текст догонял реальность, описывал её с пугающей точностью, а потом уходил вперед, туда, где будущее только собиралось случиться. Следующая фраза возникла прямо у нее на глазах: «Алиса поняла, что нужно бежать. Нужно встать, добежать до двери, включить везде свет, разбудить маму. Но тело не слушалось. Оно стало ватным, чужим, будто приклеенным к стулу. Только пальцы на руках еще шевелились, и она медленно, словно не своими руками, перевернула страницу».

Она не хотела этого делать. Она кричала про себя: «Не надо, остановись, закрой книгу!» – но её собственные пальцы уже поддели край страницы и перевернули её. Сухой шелест прозвучал как выстрел. Новая страница была чистой лишь одно мгновение. Буквы выступили на ней быстро, жадно, заполняя собой всё пространство.

«Когда она перевернула страницу, взгляд в углу стал не просто тяжелым – он стал требовательным. Из темноты донесся звук. Тихий, скребущий. Будто кто-то длинными сухими ногтями медленно вел по обоям. Шорох приближался. Алиса смотрела в книгу и видела, как там, на странице, рядом со словами, проступает контур. Сначала неясный, расплывчатый, похожий на кляксу. Но он менялся, обретал очертания. Это была рука. Длинная, неестественно вытянутая, с кривыми пальцами. Она тянулась откуда-то сбоку, из-за пределов текста, прямо к ней».

Алиса зажмурилась изо всех сил, вдавив веки так, что в глазах заплескали оранжевые пятна. Она зажала уши ладонями, чтобы не слышать этого мерзкого скребущего звука, который теперь, кажется, раздавался уже не из угла, а совсем рядом, за ее спиной, почти у самого кресла. Она сидела, сжавшись в комок, и молилась неизвестно кому, чтобы это прекратилось. Чтобы это оказалось сном. Самым дурацким, самым страшным сном в её жизни.

Сколько она так просидела, Алиса не знала. Может быть, минуту, а может, и целый час. Когда она решилась открыть глаза, в комнате было по-прежнему тихо. Часы на телефоне показывали половину третьего ночи. Книга лежала перед ней, открытая на той же странице. Алиса боялась опустить взгляд, боялась увидеть там продолжение. Но любопытство, которое было сильнее страха, заставило её посмотреть. В самом низу страницы, кривыми, дрожащими буквами, будто написанными детской рукой, которая очень торопилась и очень боялась, было выведено одно-единственное слово.

«Открой».

Алиса смотрела на это слово, и ей казалось, что воздух в комнате закончился. Она пыталась вдохнуть, но лёгкие отказывались работать, грудь сдавило ледяным обручем. «Открой». Что открыть? Книгу? Но она и так была открыта. Глаза? Но она и так смотрела. Дверь? Алиса медленно, одними только глазами, повела взгляд в сторону двери в свою комнату. Та была плотно закрыта, из-под щели в коридор не пробивалось ни полоски света. Мама давно спала.

Тишина стала другой. Раньше она была звонкой, наполненной шорохом собственных мыслей, а теперь сделалась вязкой, густой, как кисель. В этой тишине каждый звук становился неестественно громким. Алиса слышала, как в её груди бьётся сердце – часто-часто, как у пойманной птицы. Слышала, как шуршит провод от настольной лампы, когда она случайно задела его ногой. И сквозь этот пульсирующий шум она уловила другой звук. Тонкий, высокий, едва различимый. Свист. Кто-то свистел. Совсем тихо, будто пробуя голос. Мелодия была простой, даже дурашливой, но от неё у Алисы волосы на затылке зашевелились. Эту мелодию напевала она сама сегодня днём, когда мыла посуду. Никто, кроме неё, её не слышал. Никто не мог её знать.

Свист доносился из-за спины. Из-за кресла. Алиса смотрела прямо перед собой, на стену, где висело её старое фото с моря, и боялась даже моргнуть. Она чувствовала, что там, сзади, что-то есть. Оно стояло и смотрело. И ждало. Ждало, когда она выполнит то, что написано в книге. Но она не знала, что нужно открыть.

Внезапно настольная лампа мигнула. Раз, другой. Свет её стал болезненно-жёлтым, потом резко моргнул в третий раз и погас. Комната утонула в непроглядной темноте. Алиса вскрикнула – коротко, сдавленно, зажав рот рукой. Фонарь за окном не горел, луны не было, и тьма оказалась абсолютной, какой-то первозданной. Она не видела даже собственных рук. Только чувствовала под пальцами шершавую бумагу книги.

И тогда в этой полной темноте страница под её пальцами засветилась. Слабым, холодным, голубоватым светом. Светились буквы. Все, что было написано раньше, теперь мерцало, как гнилушки в лесу, а внизу, на чистом месте, там, где должно было быть продолжение, проявлялось новое предложение. Медленно, буква за буквой, словно кто-то писал огнём.

«Ты ведь уже поняла, кто я. Открой глаза, Алиса. Я здесь, за твоей спиной. Я всё это время был здесь. Просто ты боялась смотреть. Обернись. Это же слабо – прочитать? Это слабо – посмотреть?»

Алиса зажмурилась. Изо всех сил. До боли в глазах. Она замотала головой, зажимая уши, и заскулила, как маленький щенок. Она не хотела открывать глаза. Ни за что. Потому что знала

– если откроет, то увидит. Увидит то, что стоит у неё за спиной. То, что свистело её голосом. То, что писало в её книге.

По щекам потекли горячие слёзы. Алиса плакала беззвучно, крупными редкими каплями, и слёзы падали на светящиеся страницы, гася буквы. Там, где падала слеза, свечение пропадало, оставалась только мокрая тёмная бумага. Она плакала и не открывала глаз. Она решила, что будет сидеть так до утра, до прихода мамы, до первого лучика солнца. Лишь бы не видеть того, кто там стоит.

Но тишина снова изменилась. Алиса почувствовала дыхание. Холодное, влажное дыхание у самого уха. Кто-то дышал ей прямо в шею, тихо, ровно, и от этого дыхания кожа покрывалась колючими мурашками, а волосы, казалось, шевелились сами по себе. Потом она услышала голос. Свой собственный голос. До жути знакомый, с теми же интонациями, с той же лёгкой шепелявостью, которая появлялась у неё, когда она просыпалась. Голос прошептал прямо в ухо, едва касаясь губами мочки:

– Ну же, Алиса. Слабо?

И Алиса открыла глаза.

Перед ней было её собственное лицо.

Оно висело в темноте в нескольких сантиметрах, подсвеченное снизу бледным голубоватым сиянием, которое исходило неизвестно откуда. Это была она. Те же растрёпанные тёмные волосы, те же веснушки на переносице, тот же родимое пятнышко над верхней губой. Только глаза были другими. В них не было зрачков – только белки, налитые мутным светом, и в самой глубине, едва заметно, шевелилось что-то тёмное, похожее на дым.

Алиса хотела закричать, но крик застрял в горле. Хотела отшатнуться, но тело по-прежнему не слушалось. Она могла только смотреть в эти пустые глаза своего двойника, чувствуя, как сознание медленно съезжает куда-то в сторону, как пластинка, соскочившая с иглы.

Двойник улыбнулся. Знакомой улыбкой, кривоватой, чуть смущённой – точно так же улыбалась сама Алиса, когда не знала, что ответить на уроке. Губы шевельнулись, и голос – её голос, но плоский, безжизненный, как у робота – произнёс:

– Ну вот ты и открыла. А я думала, ты слабачка.

Алиса смотрела, как её собственное лицо говорит с ней, и в голове билась одна-единственная мысль: это сон. Это должен быть сон. Такое не происходит наяву. Она сильно ущипнула себя за руку – до боли, до синяка. Боль пришла, но двойник не исчез. Он просто склонил голову набок, словно разглядывая диковинную зверушку.

– Больно? – спросил он. – Конечно, больно. Это не сон, Алиса. Я – это ты. Та ты, которая всегда жила внутри. Которая боялась темноты и тайком читала под одеялом. Которая представляла, что в шкафу кто-то живёт. Я та, кого ты прятала ото всех. Даже от самой себя.

Голос двойника становился всё более человеческим, всё более похожим на настоящий. В нём появились интонации, эмоции, даже какая-то грустная усмешка.

– Знаешь, как обидно сидеть в темноте и ждать, когда ты наконец перестанешь притворяться? Когда ты признаешь, что я существую. Что страхи существуют. Что монстры под кроватью – это не просто выдумки для маленьких. Ты ведь всегда это знала. Всегда чувствовала, что в комнате кто-то есть. Но ты включала свет, звала маму, зарывалась головой в подушку и делала вид, что ничего не случилось.

Двойник шагнул ближе. Теперь между ними было не больше ладони. Алиса чувствовала исходящий от него холод – ровный, могильный, от которого ныли зубы и ломило кости. Она заметила, что двойник одет в ту же самую пижаму, что и она – старую, с медвежатами, которую мама давно хотела выбросить, но Алиса не давала. Только на двойнике пижама выглядела ветхой, выцветшей, словно пролежала в земле сто лет.

– Хочешь, я покажу тебе, где я живу? – прошептал двойник. – Это недалеко. Совсем рядом. За той дверью, которую ты никогда не решалась открыть.

Алиса скосила глаза. В углу комнаты, там, где раньше было кресло с брошенной курткой, теперь зияла дверь. Чёрная, матовая, абсолютно непроницаемая для взгляда. Алиса могла поклясться, что ещё минуту назад её там не было. Дверь выглядела старой, облупившейся, с ржавой ручкой в виде львиной головы. От неё тянуло сквозняком – сырым, подвальным, пахнущим землёй и чем-то ещё, сладковатым и тошнотворным.

– Не бойся, – двойник взял её за руку. Пальцы у него были ледяные и какие-то слишком длинные, с неестественно выпирающими суставами. – Я проведу тебя. Там не больно. Там просто... темно. И тихо. И никто тебя больше не заставит бояться, потому что там бояться нечего. Там вообще ничего нет. Только мы.

Алиса почувствовала, как ноги сами собой поднимают её со стула. Она не хотела вставать, но тело больше ей не подчинялось. Оно двигалось само, подчиняясь чужой воле. Двойник тянул её к чёрной двери, и с каждым шагом холод становился всё сильнее, дыхание всё труднее, а воздух – всё гуще.

– Остановись, – прошептала Алиса одними губами. – Пожалуйста.

Двойник обернулся. В его белых глазах на миг мелькнуло что-то человеческое. Жалость? Сожаление? Или просто любопытство?

– Поздно, – сказал он. – Ты же открыла книгу. Ты же прочитала название. Ты же приняла вызов. Помнишь? «Слабо прочитать?» А ты прочитала. До самого конца. Осталось всего чуть-чуть.

Они остановились прямо перед дверью. Львиная голова на ручке смотрела на Алису пустыми глазницами, и в них тоже клубился тот же мутный дым, что и в глазах двойника. Ручка была холодной, даже на вид. Двойник положил свою длинную бледную ладонь поверх Алисиной и нажал.

Дверь открылась беззвучно. За ней не было ничего. Абсолютная, непроглядная чернота, в которой не различалось ни пола, ни стен, ни потолка. Пустота. Но из этой пустоты тянуло таким холодом, что у Алисы перехватило дыхание, а на ресницах выступил иней.

– Иди, – шепнул двойник и подтолкнул её в спину. – Там хорошо. Там спокойно. Там никто не скажет «слабо».

Алиса сделала шаг. Потом ещё один. Чернота поглотила её целиком – сначала ноги, потом тело, потом голову. Последнее, что она услышала перед тем, как тьма сомкнулась над ней окончательно, был голос двойника, сказавший с нежной, почти материнской заботой:

– Закрой глаза, Алиса. Теперь ты всегда будешь здесь.

И дверь за её спиной закрылась.

Тьма была полной. Алиса не видела даже собственного тела, хотя чувствовала, что стоит на чём-то твёрдом, похожем на каменный пол. Холод проникал сквозь тонкую пижаму, заставляя зубы выбивать мелкую дробь. Она попробовала сделать шаг вперёд, но нога наткнулась на невидимую преграду. Алиса протянула руку и коснулась стены. Стена была шершавой, влажной и холодной, словно сложенная из замшелых камней.

Глаза постепенно привыкали к темноте, но привыкать было не к чему – вокруг не появлялось ни проблеска света. Только когда Алиса поднесла руку к самому лицу, она заметила слабое свечение – её собственная кожа светилась бледно-голубым, как и страницы книги. Она поднесла ладони к глазам и увидела, что свет исходит от неё самой, пульсирует в такт сердцебиению, разливаясь по венам холодным фосфоресцирующим огнём.

– Ты скоро привыкнешь, – раздался голос справа. Алиса вздрогнула и обернулась. Рядом с ней стояла девочка. Тоже светящаяся, тоже в пижаме, но младше – лет семи-восьми. У неё были светлые косички и круглое веснушчатое лицо, на котором застыло выражение вечной печали.

– Кто ты? – спросила Алиса. Голос прозвучал глухо, словно она говорила в подушку.

– Я – это тоже ты, – ответила девочка. – Только маленькая. Я здесь давно. С тех пор, как ты первый раз испугалась темноты. Помнишь? Тебе было пять лет, и ты осталась одна в комнате. Ты смотрела на шкаф и думала, что оттуда кто-то выйдет. Никто не вышел, но я осталась здесь. На всякий случай.

Девочка взяла Алису за руку. Её пальцы были такими же ледяными, как у того, первого двойника, но держали они не больно, а скорее доверчиво, по-детски.

– Пойдём, я покажу тебе, где мы живём, – сказала она и потянула Алису вперёд.

Они пошли по коридору, которого Алиса не видела, но чувствовала каждым шагом. Стены то сужались, заставляя их протискиваться боком, то расширялись в огромные залы, где эхо шагов улетало куда-то в бесконечность. Иногда на стенах проступали изображения – размытые, движущиеся, как старые киноплёнки. Алиса увидела себя маленькую, сидящую на горшке и ревушую во весь голос. Увидела, как мама вытирает ей слёзы и говорит, что бояться стыдно. Увидела, как она впервые идёт в школу, сжимая букет гладиолусов дрожащими руками.

– Это наша память, – пояснила девочка. – Всё, чего ты боялась, хранится здесь. Каждый испуг, каждая тревога, каждая ночь без сна. Мы собираем их и складываем вдоль стен. Смотри.

Она указала вперёд, и Алиса увидела бесконечные ряды стеклянных банок, расставленных на каменных полках. В каждой банке что-то шевелилось, пульсировало, переливалось разными цветами. В одних клубился чёрный дым, в других плавали серебристые искры, третьи были наполнены мутной жидкостью, в которой угадывались очертания маленьких фигурок.

– Это мои страхи? – прошептала Алиса.

– Наши, – поправила девочка. – Общие. Ты зарабатывала, а мы хранили. Знаешь, сколько их тут? Тысячи. Десятки тысяч. С каждым годом становится всё больше. Когда ты боишься в темноте, что под кроватью монстр – мы открываем новую банку. Когда ты переживаешь перед контрольной – ещё одну. Когда ты думаешь, что мама не придёт вечером с работы – мы ставим самую большую.

Они прошли мимо стеллажей, и Алиса заметила, что некоторые банки подписаны мелким, бисерным почерком. «Собака соседей», «Тёмный подъезд», «Гроза в июле», «Первый раз ночевать одна». На одной из банок она прочитала: «Сон про падающую башню». Внутри неё медленно вращалось что-то похожее на песочные часы, только песок сыпался снизу вверх.

– А это что? – спросила Алиса, указывая на огромный сосуд в самом конце зала. Он был выше человеческого роста, и в нём бурлила чёрная, маслянистая жидкость, в которой тонули и всплывали обрывки образов – лица, дома, деревья, чьи-то руки.

Девочка остановилась и посмотрела на неё с выражением бесконечной усталости.

– Это то, что ты боишься больше всего. То, о чём даже думать не решаешься. Про что говоришь «не думай об этом, не думай». Но оно думается само. Каждую ночь, перед сном. Когда ты остаёшься одна и никто не видит. Этот страх больше всех остальных, вместе взятых.

– Что там? – голос Алисы дрожал.

– Ты знаешь что. Не заставляй меня произносить это вслух. Иначе оно станет ещё больше.

Алиса смотрела на кипящую чёрную массу и чувствовала, как страх поднимается изнутри, заполняет грудь, горло, голову. Она знала. Знала, чего боится на самом деле. Того, что мама однажды не вернётся. Что она останется совсем одна в пустой квартире, и никто не придёт, никто не включит свет, никто не скажет «не бойся, я здесь». Этого страха не было в книжках, про него не говорили по телевизору, но он жил в ней всегда, с самого раннего детства, с тех пор, как она впервые поняла, что люди уходят и не все возвращаются.

– Можно мне отсюда выйти? – спросила она тихо.

– Нет, – ответила девочка. – Ты же сама пришла. Сама открыла дверь. Сама сделала шаг. Теперь ты здесь навсегда. Как и мы.

– Но я не хочу!

– А кто спрашивает? Ты хотела знать, что будет, если дочитать книгу до конца. Ты дочитала. Вот результат. Слабо было не читать? Слабо было закрыть и забыть? Да. Слабо.

Девочка отпустила её руку и сделала шаг назад. Её светящееся тело начало таять, расплываться, превращаться в облачко голубоватого тумана.

– Куда ты? – закричала Алиса.

– Я возвращаюсь в свою банку, – голос девочки звучал уже отовсюду и ниоткуда. – Меня вызывали специально, чтобы проводить тебя. Моя работа сделана. А ты иди дальше. Там ещё много залов. Много страхов. Много банок. Ты будешь ходить по ним вечно, потому что это твой личный ад. Ад, который ты сама построила из своих ночных кошмаров. Приятного путешествия, Алиса.

Туман рассеялся, и Алиса осталась одна в бесконечном коридоре, освещаемая только собственным слабеющим свечением. Она посмотрела на свои руки – голубой свет действительно мерк, угасал, и вместе с ним угасало ощущение себя. Она чувствовала, как память утекает куда-то, как тает образ мамы, как забывается запах дома, как стираются лица друзей.

Вдалеке, в темноте, зажигались новые огоньки. Это приближались другие обитатели подземелья. Другие её страхи. Другие она. Они шли к ней со всех сторон, светящиеся, безмолвные, и в их пустых глазах отражалась та же бесконечная тьма, что окружала их всех.

Они приближались медленно, плыли над каменным полом, не касаясь его ногами. Алиса насчитала семь фигур, потом сбилась со счёта – они появлялись из темноты одна за другой, словно прорастали из стен. Маленькие и большие, прозрачные и почти плотные, в разной одежде, с разными лицами, но всех их объединяло одно – это была она. Разная она. Та, которой боялась, которую прятала, о которой старалась не думать.

Самая высокая подошла первой. Подросток лет шестнадцати, с длинными спутанными волосами и тёмными кругами под глазами. На ней была школьная форма, которую Алиса носила два года назад, только вся изодранная, в грязи, словно девочка долго где-то ползала.

– Привет, – сказала старшая. Голос у неё был хриплый, прокуренный, хотя Алиса никогда не курила. – Я – та, кем ты станешь, если не перестанешь бояться. Вернее, одной из версий. Той, где ты сдалась. Перестала выходить из дома. Перестала разговаривать с людьми. Сидишь в тёмной комнате и ждёшь, когда всё закончится.

– Этого не будет, – прошептала Алиса.

– Будет, – усмехнулась старшая. – Уже было. В параллельной реальности. И в другой. И ещё в десяти. Мы все – ты. Проигравшие версии. Те, кто не справился.

Из темноты выплыла маленькая, лет пяти, в смешной пижаме с зайчиками. Она держала в руках истрёпанного плюшевого медведя без одного глаза.

– А я боялась, что мама уйдёт и не вернётся, – пропищала малышка. – И она ушла. Насовсем. Я осталась одна в кроватке и плакала три дня, пока не кончились слёзы. А потом меня забрали сюда.

Алиса хотела сказать, что мама никуда не уйдёт, что это неправда, что всё будет хорошо, но слова застревали в горле. Малышка смотрела на неё своим единственным глазом, и в этом взгляде было столько боли, что Алиса не выдержала и отвернулась.

– Не надо, – сказала ещё одна. Эта была примерно её ровесницей, только одетая в какое-то странное бабушкино платье в цветочек. – Не надо обещать того, чего не знаешь. Мы все здесь, потому что наши страхи сбылись. Или могли сбыться. Какая разница? Результат один.

Они окружили её плотным кольцом. Алиса чувствовала их холод, их дыхание, их бесконечную тоску. От этого можно было сойти с ума, но она уже была в аду, в своём личном аду, и, кажется, здесь с ума не сходили – здесь просто существовали, вечно, без надежды на избавление.

– Что мне делать? – спросила Алиса в пустоту.

– Ничего, – ответили хором все версии. – Теперь ничего не надо делать. Ты просто будешь здесь. Ходить по коридорам. Смотреть на банки. Вспоминать свои страхи. А когда вспомнишь все – начнёшь сначала. Это и есть наша жизнь.

– Но я не хочу так!

– А кто тебя спрашивает? – повторила недавнюю фразу девочка с косичками, снова появляясь из толпы. – Ты сама выбрала. Слабо прочитать? Оказалось, не слабо. Ты дочитала до конца. До самого-самого конца. И вот он – конец. Бесконечный. Навсегда.

Алиса закрыла глаза. Слёз больше не было – они кончились там, в комнате, когда она плакала над книгой. Осталась только пустота и глухая, безысходная усталость. Она представила маму – как та утром войдёт в комнату, увидит пустой стул, открытую книгу и никого. Будет искать, плакать, звонить в полицию. А Алиса будет здесь, в темноте, среди своих страхов, и никогда уже не сможет сказать ей, что она жива. Или не жива? Алиса перестала понимать, жива она или нет.

Внезапно толпа зашевелилась, заволновалась. Светящиеся фигуры расступались, освобождая проход. По нему кто-то шёл – медленно, тяжело, с палкой. Алиса взгляделась в темноту и увидела старуху. Сгорбленную, седую, в длинном тёмном платье. Старуха приблизилась, и Алиса с ужасом узнала в ней себя. Совсем старая, морщинистая, с выцветшими глазами. Это была она через много-много лет.

– Бабушка? – спросила Алиса.

– Какая я тебе бабушка, – прошамкала старуха беззубым ртом. – Я – это ты. Самая старшая. Самая страшная. Я боялась старости. Боялась, что буду никому не нужна, что все умрут, а я останусь. И вот я здесь. Видишь?

Она развела руками, показывая на бесконечные ряды банок.

– Это всё я собирала. Всю жизнь. Каждый день добавляла новый страх. А теперь храню. Смотрю, чтобы никто не разбил. Чтобы всё лежало на местах. Это моя работа. Теперь будет твоя.

– Я не хочу, – повторила Алиса, но голос звучал уже слабо, обречённо.

– Все не хотят, – старуха покачала головой. – А ты иди. Иди сюда. Я покажу тебе главное.

Она взяла Алису за руку своей сухой, костлявой ладонью и повела сквозь толпу. Другие версии расступались, глядя им вслед с одинаковым выражением тупой покорности. Они прошли через весь зал, миновали ещё несколько коридоров и остановились перед огромной, в человеческий рост, банкой. Внутри неё бурлило что-то чёрное, живое, пульсирующее, и это что-то пыталось прорваться наружу, билось о стекло, оставляя на нём тёмные разводы.

– Смотри, – старуха ткнула пальцем.

Алиса подошла ближе и вгляделась. Сквозь мутное стекло она увидела... себя. Себя, сидящую на стуле в своей комнате, перед открытой книгой. Только та Алиса не шевелилась, сидела как статуя, уставившись в одну точку, а по щекам у неё текли слёзы. Рядом стояла мама, трясла её за плечи, звала по имени, но Алиса не реагировала.

– Это что? – прошептала Алиса.

– Это твоё тело, – ответила старуха. – Оно осталось там. Без души. Без тебя. Ты здесь, а оно там. Сидит и смотрит в книгу. Мама уже вызвала скорую, придут врачи, будут колоть уколы, возить по больницам. А толку? Душа-то здесь. В банке.

– Я могу вернуться?

Старуха долго молчала. Потом подняла на Алису свои мутные глаза и сказала:

– Можешь. Но не захочешь.

– Почему?

– Потому что для этого нужно сделать то, что страшнее всех твоих страхов вместе взятых. Нужно открыть самую главную банку. Ту, в которой ты спрятала то, что боишься больше всего. И посмотреть этому в лицо. По-настоящему. Без защиты. Без мамы. Без света. Одна.

Алиса смотрела на старуху и чувствовала, как холод проникает в самые кости. Она знала, о чём та говорит. Знала с самого начала, с той минуты, как открыла книгу. Главный страх всегда был при ней, всегда сидел внутри, только она умело делала вид, что его нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.